

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ФРАНЦУЗСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

Возникновение Я и процесс символизации

А. Бран

(Пер. с фр. и науч. ред.: О. В. Чекунова)

Анн Бран – психоаналитик, клинический психолог, профессор клинической психологии и психопатологии Лионского университета (Université Lyon 2), экс-директор центра исследований психопатологии и клинической психологии (CRPPC, 2009–2019), автор многочисленных работ, посвященных терапевтической медиации, расстройствам нарциссического и идентификационного спектра и проблематике архаического.

В данной статье рассматриваются современные теоретические психоаналитические концепции, позволяющие по-новому посмотреть на лечение «тяжелых случаев», в том числе психотических, аутистических и «нарциссических идентификационных психопатологий», в основе которых лежит проблематика архаического. Для лечения подобных пациентов необходимо использовать новые технические инструменты. В случае лечения тяжелых нарциссических психопатологий классическая техника модифицируется, большее внимание уделяется сенсорным, аффективным и двигательным аспектам, то есть тому раннему опыту, который лежит в основе формирования процессов символизации или, в случае неудачи, приводит к отсутствию или дефициту символизации. Новый теоретический и клинический подход при психоаналитической психотерапии пациентов с «тяжелыми состояниями» включает в себя не только фокус внимания на сенсорных аспектах, но и расширение техники в сторону «терапевтической медиации», в случае работы в группе психоаналитик в переносе играет роль «гибкого медиума».

Ключевые слова: архаический период, инфантильный период, психоз, аутизм, символизация, субъективация, перцептивные архаические следы, «нарциссические и идентификационные страдания».

Вопрос рождения Я и появления процессов символизации представляет собой королевскую дорогу для изучения различных видов современных клинических феноменов, в частности нарциссических и идентификационных патологий.

Какие «организаторы» способствует формированию Я в значении «Я как субъекта»? Было много дебатов в отношении перевода с немецкого введенного Фрейдом термина «Ich» (Freud, 2011). В данном случае речь идет о Я в смысле субъекта (eu/sujeito), о котором мы будем здесь говорить. Мы будем рассматривать вопрос о субъективации, анализировать процессы символизации как процесса субъективного присваивания (своего опыта).

И в самом деле, одно из основных изменений, введенных некоторыми современными психоаналитиками, представляет собой переход от традиционной парадигмы психоанализа, понимаемого как осознание бессознательного, к психоанализу, в центре интереса которого располагается процесс субъективации. «Wo es war, soll ich werden», – писал Фрейд в 1932 году, что переводится как «где было Оно, должно стать Я». Символизировать архаичные перцептивные следы – значит совершить переход от Оно, где влечения находятся в какой-то степени в сыром состоянии, к Я-субъекту. Согласно формулировке Рене Руссийона, это значит «перейти от процесса без субъекта к процессу с субъектом» (Roussillon, 2015). Но каким же образом первичный опыт Оно трансформируется и интегрируется в Я?

Мы сейчас раскроем различные процессы символизации, которые способствуют формированию Я/субъекта, а также интеграции и трансформации его первичного опыта. Какие факторы препятствуют или способствуют субъективному присваиванию первичного опыта, какие здесь могут быть «подводные камни» в процессе символизации? Именно запуск и восстановление этих процессов символизации будут лежать в основе нашей аналитической практики с пациентами, страдающими от нарциссических и идентификационных патологий.

Очень часто вопрос об истоках происхождения связывают с вопросом о начале, что в психоанализе называется «архаикой». Но, если мы вернемся к истокам языка, то мы увидим, что в греческой этимологии слово «архаика» не совпадает с понятием первоначала, или истоков происхождения: «archè» на греческом одновременно обозначает «начало» и «принцип». «Начало» обозначает в психоанализе первичные отношения ребенка с окружением, с объектами, а «принцип» – организационное и структурное измерение архаики по отношению ко всей психической жизни. Это предполагает отделение архаичного периода, примерно от 0 до 2 лет, когда младенец еще не располагает возможностью использовать вербальный язык, от инфантильного периода; это разделение является принципиально важным, так как символизация в архаический период может проявляться только в виде языка тела или языка действия, ввиду отсутствия возможностей для символизации с использованием вербального языка. В этой работе уделим особое внимание исследованию того, что мы будем называть формами сенсорно-двигательной символизации.

Через этот текст красной нитью будет проходить моя мысль о том, что процесс символизации, который лежит в основе появления Я-субъекта, уходит своими корнями в сенсорно-двигательную область, этот концепт, не считающийся психоаналитическим, становится таковым, если брать во внимание механизмы и трансформацию первичного сенсорного, аффективного и двигательного опыта младенца, который всегда проживается в отношениях с первичными объектами окружающей его среды.

Вы не найдете концепт сенсорной моторики ни в одном словаре психоанализа, однако в своих работах Фрейд нам дает ориентиры для того, чтобы осмысливать сенсорнику и моторику психоаналитическим способом. Я еще вернусь к этому вопросу, а пока в двух словах объясню, что у Фрейда следы сенсорно-двигательного опыта инвестируются влечениями, то есть Оно запускает влечения, которые инвестируют то, что Фрейд называл перцептивными следами. Таким образом, сенсорная моторика в основе своей является связанной с влечениями.

Для начала следует отметить, что в истории фрейдовского психоанализа выделяются несколько важных вех касательно вопроса о появлении Я. Мы увидим, как Фрейд позволяет нам задуматься о телесных и сенсорных истоках, лежащих в основе появления Я.

Затем мы перейдем к обсуждению вопроса о роли, которую играют первичные формы символизации, начиная со вклада современных психоаналитиков, которые выделяют общую точку зрения о том, что в анализе нужно исследовать первичный сенсорный и эмоциональный опыт младенца, полученный во взаимодействии с объектами, которые играют ведущую роль в становлении процессов символизации или в их неудаче.

Завершение доклада будет посвящено Виктору Герра (*Guerra, 2014*). Мы увидим, что клиническая работа с психотическими и аутичными пациентами вносит значительный вклад в понимание процессов зарождения Я, переключаясь с некоторыми феноменами, присущими творческим личностям.

Две опорные точки, лежащие в основании теории Фрейда

Традиционно считается, что вопрос о зарождении Я был поднят Фрейдом в 1914 году в его статье «Введение в нарциссизм» (*Freud, 2012*), но важно также открыть и другую линию в творчестве Фрейда: мысль о появлении Я находилась в самом сердце, в основании психоанализа Фрейда еще задолго до введения им понятия Я в 1914 году.

Фрейдистский концепт Я-либидо с характерными для него влечениями вводится в 1914 году и представляет собой настоящую революцию в метапсихологии: отныне теория либидо больше не будет сфокусирована исключительно на объекте, но и на инвестициях в Я. В этой второй теории влечений Фрейд устанавливает что-то вроде баланса между Я-либидо, где сексуальное направлено к Я-субъекту, и объектным либидо, где сексуальное направлено на объект. Он рассматривает Я как некий большой резервуар для либидо, которое частично ориентировано на объекты: Фрейд предлагает знаменитый образ нарциссизма как «тельца

маленького протоплазматического существа» (*Freud, 2012*), которое «выпускает свои псевдоподии в сторону объектов» и может их возвращать к себе обратно.

Эти идеи будут в дальнейшем развиваться в третьей теории влечений, где резервуар либидо будет располагаться в Оно. Фрейд отличает первичный процесс, который характеризуется сексуализацией психических процессов, от вторичного процесса, который состоит в десексуализации, однако не отменяет полностью либидинализацию первичной связи. Именно процессы сексуализации и десексуализации Я оказываются решающими, например, в отношении связей с эдипальными объектами.

Именно Я позволяет присваивать свой субъективный опыт. В 1920 году в статье «По ту сторону принципа удовольствия» (*Freud, 2013*) появляется понятие компульсивного повторения, которое представляет собой попытку связать травматический опыт, оно связывается с влечением к жизни, когда человек оказывается лицом к лицу с развязыванием влечений и с влечением к смерти. Появляется идея о возможности воссоединения пережитого опыта в Я, в терминах Винникотта (*Winnicott, 2016*) речь идет об идее «интеграции» несубъективированного опыта в Я.

Фрейд в своем Введении в нарциссизм всегда настаивал на существовании врожденных инвестиций в Я, первичном нарциссизме, который описывается как ощущение в самом начале жизни абсолютной самодостаточности и всемогущества, которое отсылает к первичной иллюзии отсутствия дифференциации между младенцем и внешним миром, предваряющей появление дифференциации с объектом. Основываясь на этом феномене, Винникотт устраивает метапсихологическую революцию, показывая, что структурирование первичного нарциссизма не может осмысливаться вне связи с объектом, и он описал функцию материнской заботы и присутствия окружения в выстраивании первичного нарциссизма.

Эта теория первичного нарциссизма Фрейда сегодня ставится под сомнение с учетом данных, полученных в результате недавних исследований младенцев: например, работы Десети (*Decety, 2005*) показывают, что младенец очень рано начинает различать то, что исходит от него самого, а что от внешнего мира; начиная с первых часов после рождения он может отличать лицо матери от других лиц, а также имитировать ее мимику. Известно также, что новорожденный способен сразу ощущать себя как субъект собственных действий, таким образом состояние первичной психической недифференцированности (Д. Штерн) отсутствует. Б. Гольс подчеркивает, что доступ к интерсубъективности не сводится к «все или ничего», а представляет собой динамический процесс, разворачивающийся между первичными мимолетными моментами межличностных отношений и моментами отсутствия дифференциации между Я и объектом (*Golse, 19992*). Рене Руссийон предложил идею «двойного зеркала» (*Roussillon, 2015*) между младенцем и его матерью. Мать ощущается одновременно как двойник и как другой, что позволяет в дальнейшем объединить субъективные состояния ребенка в «психический архипелаг». Таким образом, проблематика синтеза в Я находится в самой сердцевине зарождения Я. Мы еще к этому вернемся.

В своей работе «Введение в нарциссизм», вышедшей в 1914 году, Фрейд не рассматривает роль, которую играет то, что он называл «сенсорной жизнью», в построении первичного нарциссизма, однако его труды позволяют задуматься над телесными и сенсорными истоками происхождения Я, что будет нашим вторым пунктом исследования. В своей работе «Основы научной психологии» уже в 1895 году Фрейд (*Freud, 2011*) ориентируется на философскую традицию сенсуалитического эмпиризма, согласно теориям ассоцианизма конца XIX века, сенсорные впечатления соединяются друг с другом благодаря ассоциациям. Фрейд основывает свою теорию психической жизни на знаменитом афоризме философа Лейбница, перекликающемся с мыслью Локка: «Нет ничего в разуме, чего не было бы сначала в чувствах, если это не сама мысль» (*Leibnitz, 1996*). Проблема заключается в том, чтобы узнать, как произойдет трансформация сенсорного регистра в мысль. Известно, что Фрейд основывает рождение мысли на потребностях сомы, которые подталкивают к галлюцинаторному удовлетворению желаний: галлюцинация груди представляет собой первую форму репрезентации. Рождение Я-субъекта будет связано с сенсорным мышлением, вначале без отличия сомы от мысли, а затем произойдет переход к саморепрезентации этого процесса, который позволит выстроить мышление. Посмотрим, как этот пункт был разработан П. Оланье (*Aulagnier, 2003*). Как можно перейти от перцепции и галлюцинации к различным формам репрезентации?

В своем письме к Флиссу в 1896 году Фрейд (*Freud, 1985*) предложил модель различных типов мнестических следов в психическом аппарате и их связывания и ввел, в частности, концепт перцептивных следов для дифференциации репрезентации вещи и репрезентации слова. Но в дальнейшем Фрейд (*Freud, 2019*) будет склоняться, в частности в 1915 году в своем труде «Метапсихология», к смешению понятий перцептивных следов и следов бессознательных репрезентаций вещи; многие современные аналитики настаивают на необходимости сохранить различие между перцептивными следами и репрезентацией вещи, мы увидим, как это важно для того, чтобы уловить суть процессов трансформации, лежащих в основе происхождения Я. Именно эти перцептивно-аффективно-моторные следы, представленные Фрейдом в виде понятия «*fuegos*», станут объектом трансформаций, превратятся в сценарий, для того чтобы стать тем материалом, который сможет интегрироваться в субъективность, а также чтобы стать репрезентациями, распознаваемыми другим субъектом.

Поскольку архаика включает в себя организующие психику аспекты на протяжении всей жизни, это значит, что реактуализация перцептивных следов может осуществляться постоянно. В 1937 году в работе «Конструкции в анализе» Фрейд (*Freud, 2011*) поднимает вопрос о галлюцинаторном возвращении «забытого события первых лет жизни, чего-то, что ребенок видел или слышал в определенный период времени, когда он едва умел говорить», в процессе аналитического лечения. Фрейд в своей работе поднимает вопрос о реактуализации архаичного опыта в форме сенсорных галлюцинаций, которые отсылают к довербальному периоду: здесь мы можем увидеть присутствие линии, отделяющей архаичный

период от инфантильного периода, в котором символизация сможет осуществляться в вербальном регистре.

Каким образом будет осуществляться эта реактуализация перцептивных следов? Фрейд показал, что главную роль играют именно галлюцинации и первичные процессы. Галлюцинаторная реактивация сенсорно-перцептивного опыта отсылает нас к первичному процессу, который характеризуется идентичностью перцепции, тогда как процессы трансформации сенсорно-моторных следов отсылают нас к идентификации мысли с трансформациями в различных формах репрезентаций.

Чтобы понять, как рождается Я, необходимо поставить под вопрос упрощенную теорию, согласно которой воспринимаемое принадлежит только внешней реальности, с моделью системы перцепция – сознание, где субъект непосредственно регистрирует ощущения, которые он получает со стороны внешнего мира и придает им смысл позднее. Это первая модель Фрейда. Однако, опираясь на постулаты Лапланша, Руссийон (*Roussillon, 2015*) указывает на постоянное присутствие второй модели, в которой Фрейд отводит место двум крайним точкам психики полюсов – перцепции и сознания. Жизнь влечений, жизнь Оно коренится, таким образом, в соме: чтобы стать сознательной, перцепция должна в итоге пройти через весь психический аппарат и стать переведенной на язык различных логических структур, перцептивные следы, исходящие от сомы, трансформируются в репрезентации бессознательных вещей, а затем – в репрезентации слова предсознательной/сознательной системы.

Восприятие организуется на основе первых перцептивных следов, но особенно в связке с историей субъекта. Также можно отметить влияние первых схем, вписывающихся в психику, начиная с первого контакта тела младенца с материнским телом, двигательных паттернов или паттернов контакта. Ведущая роль в формировании Я отводится сенсорике и моторике, поскольку они занимают важное место в процессе трансформации, эти идеи в дальнейшем будут развиваться последователями Фрейда.

Роль первичных форм символизации в рождении Я

Опираясь на этот теоретический фундамент, заложенный Фрейдом, мы можем сейчас перейти к рассмотрению процесса символизации, лежащего в основе зарождения Я. Следует отметить, что большинство современных психоаналитиков стали уделять все больше и больше внимания телесным, сенсорным и двигательным аспектам, для того чтобы иметь возможность переосмысливать и работать со сложными клиническими случаями – психозами, психопатологией агрессивного поведения, а также «пограничными и экстремальными ситуациями субъективности». Последователи Фрейда предложили различные теории, для того чтобы исследовать трансформацию первичного сенсорного, аффективного и двигательного опыта младенцев, полученного при контакте с объектом.

В книге, написанной в соавторстве с Рене Руссийоном (*Brun, Roussillon, 2016*), мы предложили соединить различные современные концепции, обозначая их как «первичные формы символизации», в частности

«протоментальное» Биона (1975), «агглютинированные ядра» Блегера (1967), «пиктограммы» Оланье (1975), «формальное означающее» Анзье (1987). Эти первичные формы символизации в какой-то степени рассказывают аналитику об опыте взаимодействия с первичными объектами, но их называют «первичными формами символизации» не только потому, что они находятся у истоков происхождения на временной линии континуума, они проявляются в процессе любой терапии и в психической жизни субъекта на протяжении всей его жизни, они присутствуют и в репрезентациях других уровней. Мы рассмотрим, как происходит переход от одного уровня символизации на другой с помощью других процессов «метаболизации», согласно выражению Оланье (*Aulagnier, 2003*). Она подчеркивает, что репрезентативное функционирование укореняется в соматической модели, так как репрезентативная активность является эквивалентом метаболической работы, свойственной органичной активности.

Несмотря на то что появляются новые современные теоретические принципы, по-прежнему не уделяется должного внимания исследованию различных форм аналитического слушания и интервенций аналитика, направленных на проработку первичных форм символизации, в то время, как слушание первофантазмов продолжает оставаться в центре внимания аналитических школ.

Основная идея, которую мы хотим выдвинуть здесь, состоит в том, что различные формы изъятия субъективности, которые проявляются в процессе лечения, нуждаются в особом слушании, направленном на сенсорные и двигательные аспекты во время сеанса, для того чтобы позволить пациенту отделиться от тени объекта, которая как будто падает на его тело, будучи неотделимой от его психической жизни. В патологиях нарциссизма и идентичности именно это слушание первичных форм символизации позволяет вновь запустить процессы присваивания своего субъективного опыта.

Чтобы показать, какую роль играют эти первичные формы символизации в зарождении Я, я приведу небольшой пример из терапии взрослого пациента.

Пациент в возрасте около 30 лет обращается с запросом на аналитическую работу, так как он регулярно погружается в депрессию и все видит в черном цвете, несмотря на то что у него все хорошо, как на работе, так и в семье. В эти периоды он перестает себя узнавать, а обычно он очень активен, но может в такие моменты «больше себя не ощущать», он чувствует, что «исчезает». Регулярно случаются сеансы, когда он обрушивается на диван, сворачивается калачиком и лежит, не двигаясь. Тогда он говорит, что «поглощен пустотой» или чувствует себя «разлетевшимся на куски» или «пылью, летающей в воздухе». Иногда мне приходится напрягать слух, так как его голос становится еле слышным...

Я постепенно понимаю, что я делюсь с ним некоторыми сенсорными переживаниями: я оказываюсь в пустоте мыслей, становлюсь жесткой и ощущаю пустоту эмоций и образов...

В эти моменты психического отсутствия пациент исчезает в галлюцинаторных ощущениях, которые можно описать как: «это исчезает», «здесь обрушивается», «это улетает», «это разлетается на кусочки», «это стирается». В данном случае мы видим проявление формальных означающих, описанных Анзье, – это телесные впечатления, которые соотносятся с проторепрезентациями пространства и тела, это трансформация, «часто ощущаемая пациентом как инородная» (Anzieu, 1990). Таким образом, речь идет о формах в движении, появляющихся в виде галлюцинаторного переживания, которое не может быть присвоено субъектом, переживающим эти сенсорно-двигательные впечатления. Грамматически субъект обозначается в безличной форме как «изолированная физическая форма» или «кусочек живого тела», пишет Анзье, а «не целостная личность» (Anzieu, 1990). В данном случае речь идет не о фантазмах, поскольку здесь нет объекта, но о комбинациях форма – движение, состоящих из проприоцептивных, тактильных, коэстетических, кинестетических, постуральных, сохраняющих равновесие образов, – одним словом, это все то, что относится к сенсорному регистру. Анзье уточняет, что формальное означающее является первой формой символизации пиктограмм: пиктограмма – это галлюцинаторное ощущение, обладающее спекулярностью или абсолютным отсутствием дифференциальности между телом, внешним пространством и мышлением, например «осколки тела/пространства/мысли».

Архаичный травматический опыт отношений с объектом реактуализируется в виде сенсорных галлюцинаций. Аналитическая техника будет в данном случае направлена на соединение этих сенсорных впечатлений, не связанных ни с какой формой памяти, с фрагментами воспоминаний в связи с объектом.

Таким образом, при работе с пациентом, о котором я говорила, я пыталась объединить эти сенсорные галлюцинации в форме сценария в связке с историей пациента. Сначала Я соединила его ощущения того, что он перестает существовать, отсутствует, исчезает, с внезапным уходом матери, когда пациенту было четыре года. Он вспоминает, как рассматривал летящую в воздухе пыль и чувствовал, что разлетается на тысячу осколков. Он также вспоминает, как во время семейных обедов и ужинов взрослые с ним не разговаривали. Он помнит себя стоящим перед игрушками, не способным в них играть.

Работа аналитика состоит в том, чтобы трансформировать эти сенсорно-аффективно-моторные переживания в «сценические изображения», согласно выражению Оланье (Aulagnier, 2003), для того чтобы попытаться выстроить репрезентацию той части истории, связанной с объектом, в основе которой лежат процессы самоотчуждения, стирания себя, превращения в пыль или растворения в пространстве. Парадоксально, что именно аналитическая работа с теми моментами, когда пациент находится «вне себя», как пишет Ференци, позволяет нам переосмысливать различные аспекты зарождения Я.

Несмотря на различные мнения, можно прийти к заключению, что специфичность аналитического прослушивания первичных форм

символизации состоит в том, чтобы построить сцены, вызывающие воспоминания о связи с объектом, начиная с реактуализации галлюцинаторных ощущений у пациента; таким образом, согласно Оланье, должен произойти переход от пиктограммы к сценическому изображению или фантазму, согласно Анзье, переход от формального означающего к фантазму, согласно Биону, от О безличного к О личному с идеограммой протоментального. В общем и целом речь идет о трансформации перцептивных следов («*fueros*») в репрезентации вещи, о процессе, который Руссийон называет «первичной символизацией» (*Roussillon, 2015*). Таким образом тело постепенно вписывается в историю.

Клинический опыт нам показывает, что именно пограничные и экстремальные формы психопатологии находятся под воздействием первичных форм символизации.

Последовательный процесс зарождения Я, начиная с появления формальной ассоциативности

Именно исследование клинической картины психозов привело Фрейда к необходимости теоретизировать нарциссизм. Я предлагаю сейчас также начать с особенностей клинической работы с психотическими и аутичными пациентами, которая наиболее наглядно демонстрирует нам процессы символизации, происходящие при зарождении Я-субъекта. Речь пойдет о том, чтобы понять, каким образом происходит переход от сенсорной дезорганизации с островками распавшегося на части Я к процессам сенсорной интеграции, благодаря которым происходит интеграция пережитого опыта в выстроенное, целостное Я-субъекта, которое уже обрело способности к процессу рефлексивности.

Начну с того, что затрагивают очень редко в психоаналитическом обществе, но что является невероятно ценным источником для понимания самых архаичных процессов формирования Я-субъекта, процессов зарождения и трансформации галлюцинаторных ощущений в творчестве, в живописи, лепке... Я предлагаю ненадолго повернуться в сторону того, чему нас учат терапевтические медиации – поговорить о сенсорном медиуме: Марион Мильнер (*Milner, 1979*) предложила концепцию гибкого медиума, который всегда представляет собой одновременно материал – материал для символизации – и психоаналитика или клинического специалиста, который также представляет собой материал. Цель этих терапевтических медиаций состоит в том, чтобы дать нам возможность увидеть материализацию в гибком медиуме сенсорно-двигательных форм/движений, несущих в себе историю связи с объектом, как мы уже видели раньше.

Именно встреча с сенсорным медиумом в его реальной материальной форме вызывает у пациентов, как у детей, так и у взрослых, реактуализацию галлюцинаторных ощущений и делает возможной трансформацию галлюцинаторных ощущений, которые представлены в виде комбинации форма – движение, в регистр первичных форм символизации. Я задавалась вопросом о логике появления и трансформации этих сенсорных

галлюцинаций в виде формы – движения, которые вносят свой вклад в выстраивание психических оболочек.

С психотическими или аутистическими пациентами в начале терапевтической работы мы наблюдаем повторяющийся процесс разрушения форм. То, что компульсивно повторяется и часто является утомительным для терапевта, – это катастрофические переживания встречи с объектом, которые останавливают процесс трансформации форм, форм замороженных, окаменевших, обездвиженных, искаженных, разложившихся, рассыпавшихся и т. д. Бесконечное повторение одних и тех же форм и поступков обездвиживает процесс, делая трансформацию невозможной.

То, что символизируется при использовании гибкого медиума, – это прежде всего то, что лежит в основе десимволизации. Эти сенсорные и двигательные формы воплощают в себе историю встречи с объектом, а также представляют собой защитные механизмы для борьбы с возвращением того опыта, который Винникотт называл «примитивной агонией», например обездвиживание, окаменение, дифракция Я, замораживание и т. д.

Я предлагаю называть «формальной ассоциативностью» эту ассоциативную цепочку, рождающуюся при использовании сенсорного медиума, проявляющуюся в галлюцинаторных ощущениях, формах, движениях, часто в виде формальных означающих, которые ассоциируются у Анзье с концепцией Я-кожи и репрезентациями оболочек (*Anzieu, 1995*). Речь идет о том, чтобы выделить последовательность форм не только в том, что создает пациент, используя гибкого медиума, но и в его сенсорномоторном языке. И тогда на поверхность выходит архаичная психическая топика.

Чтобы описать логику, лежащую в основе процесса рождения Я-субъекта, я предложила выделить сначала в терапевтических медиациях с пациентами с психотической и аутистической проблематикой три важные позиции, в которых, согласно теориям Мелани Кляйн, можно организовать процессы вокруг трансформации материи, формы и психических оболочек: патологическая адгезивная позиция, позиция отделения от фона и позиция рефлексивности. Мы увидим, каким образом выделение этих позиций позволяет нам осмыслить процессы трансформации первичных форм символизации в фантазматические сценарии.

Первая позиция, или патологическая адгезивная позиция, появляется прежде всего у тяжелых аутистов, она состоит из «не-процессов», согласно выражению Блегера (*Bleger, 1967*), то есть из феноменов прилипания, неразличения разных форм, повторения одного и того же до бесконечности и преобладания неодушевленного: например, отстранение и отсутствие контакта с медиумом, прилипание или цепляние за сенсорного медиума, отсутствие разделения формы и фона, контакт без движения и следа, отсутствие ощущения третьего измерения, инвестиции в неодушевленные аспекты кадра. В контрпереносе терапевт ощущает отсутствие контакта и чувствует, что он не существует. У тяжелых аутистов первый этап соотносится с отсутствием первой ритмической оболочки.

Но она может соответствовать также феномену разрыва оболочки, особенно при психотической проблематике, с нескончаемым повторением формальных означающих в виде «дыра засасывает», «опора рушится». «Я-лист, дырявая кожа, оторванная кожа» или «Оно бесконечно плавится» с необратимым разрушением форм.

Вторая позиция – позиция отделения от фона, имеется в виду отклеивание, со всеобъемлющим присутствием деструктивности. Игра между формой и фоном появляется, например, в живописи, где сенсорно-двигательные формы выделяются на фоне, следы становятся ритмическими следами, обладающими смыслом, согласно выражению Х. Гаага, формируется петля возвращения к объекту, могут также появляться формы пунктира как конфигурация точек соединения с объектом...

В этой второй позиции эволюция формальных означающих характеризуется процессами трансформации и обратимости: появляется трансформация состояний материала, например, «дифференциация цветов и текстур» или возможность затвердевания материала, который до этого был жидким. Трансформация форм также становится обратимой, например, «это появляется, это исчезает, и это снова повторяется», «это уходит и это возвращается», «это прилипает и отлипает», и опоры смещаются с неодушевленного к одушевленному.

Эти игры трансформации форм появляются всегда в связке с терапевтической работой клиницистов. Именно ответные реакции терапевта запускают у пациента динамику возможных трансформаций этих сенсорно-двигательных форм и возобновление процесса символизации и трансформации. Важно описать особенности интерпретативных техник, используемых клиницистами, которые вновь запускают окаменевшие процессы символизации, так как они показывают, что объект играет основную символизирующую роль в рождении Я-субъекта.

Процесс символизации, лежащий в основе рождения Я-субъекта

Виктор Герра (*Guerra, 2014*) показал, что поле символизации открывается благодаря совместному творчеству с разделяемым ритмом. Он выдвигает оригинальную идею о том, что материнский закон обладает основной функцией совместного создания общего ритма, зеркальной функцией перевода и трансформации аффективных переживаний на базе процессов субъективации; в ранних психопатологиях наблюдается отсутствие общего ритма, рассинхронизация.

Процесс лечения связан с восстановлением настроек, согласно теориям Штерна, с перемещениями из одного регистра, относящегося к органам чувств, в другой, например от кинестетического к звуковому. Речь идет о том, чтобы восстановить то, что Штерн (*Stern, 1985*) обозначает как что-то подобное хореографии между младенцем и объектом, с взаимной подстройкой жестов, мимики и поз ребенка и первичного объекта. По этой причине при работе с психотическими пациентами терапевты главным образом используют язык тела и язык действия в форме

сенсорно-двигательного диалога, который состоит прежде всего в том, чтобы взаимодействовать с пациентом как зеркало; речь не идет о том, чтобы отражать то же самое, в «петле возврата», используя метафору Ж. Хааг (*Haag, 2005*), а чередовать то же самое и другое, «немного не то же самое».

Благодаря настройке и подстройке происходит выстраивание аффекта, появляется возможность перейти от регистра ощущений к тому, что Фрейд называет «образованием» аффекта. Речь идет о переходе от слияния репрезентации и аффекта, согласно Оланье (1975), или от того, что Грин называет «неразличением между аффектом и репрезентацией» (1999), опираясь на понятие психического репрезентанта влечения Фрейда. Аффект не остается при этом чисто соматическим, он может выстроиться в отношениях с объектом; это то, что ему позволяет интегрироваться в Я и одновременно формировать, организовывать Я. Здесь речь идет еще и о трансформации ощущения в способность аффекта к рефлексивности, благодаря которой можно ощущать и называть свои чувства.

Как формируется аффект? Через театрализацию эмоций в ходе терапевтической работы. Как и в случае с ребенком, речь идет о том, чтобы отразить пациенту его собственные аффекты ярости, тоски, бессилия или удовольствия, театрализуя их в мимике, звуках с ярко выраженной интонацией и в жестах. Работы Жержели (*Gergely, 1992*) показали, что ребенок при таком взаимодействии начинает понимать, что другой отражает его собственный аффект, и это формирует первый базовый уровень рефлексивности. Аффект формируется, если объект ему присваивает значение сообщения, адресованного другому, то есть если объект придает ему смысл.

Множество современных авторов, пишущих о ребенке, показывают, что формирование субъективности зависит от того, каким образом влечения ребенка были приняты или отклонены объектом, на который они были направлены, а также от того, как объект переводит и трансформирует субъективное «сообщение», находящееся в самом центре жизни влечений ребенка. Я вас отсылаю к работе «Рождение объекта» Бернара Гольса и Рене Руссийона (*Golse, Roussillon, 2010*), в которой авторы делают акцент на том, что рождение объекта неотделимо от рождения Я.

В основе процесса символизации лежит формирование общего ритма младенца и его первичного окружения, аффективных настроек, формирование аффекта и театрализация; на примере небольшого клинического материала я сейчас покажу и другие процессы.

Я сейчас опишу динамику терапевтической работы с ребенком-аутистом восьми лет, терапия проходила в специальном центре, в маленьком неглубоком бассейне для детей, стоящем у стены с большим зеркалом и душевыми лейками, встроенными в зеркало. Я супервизировала работу двух своих коллег-терапевтов в специальном учреждении.

Вначале ребенок ни на что не смотрит, не способен брать руками предметы, сидит в воде перед зеркалом и тяжело дышит. На первом этапе работа состоит в том, что терапевт также дышит тяжело, и дыхание постепенно становится разделенным, появляется общий ритм. Можно ли здесь

говорить о появлении ритмичной дыхательной оболочки? Ребенок будто ощущает воздушный столб. Одновременно терапевт делает ребенку массаж спины, они обмениваются взглядами. Происходит переход приятных ощущений от прикосновений в мягкие звуки, а более жестких – в более жесткие звуки, благодаря чему ребенок через два месяца уже оказывается способным вставать и брать в руки душевой шланг. На этом втором этапе ребенок будет на протяжении двух месяцев стоять, как будто приклеенным к зеркалу, однако он сможет играть с душем, прислоняя его к зеркалу и наблюдая, как течет вода и как она забрызгивает зеркало.

Мы интерпретируем этот язык тела ребенка как что-то подобное рассказу в действии о слипании с объектом, с еще не дифференцированными оболочками; эта позиция сильно отличается от распространенных представлений об аутоэротизме, при котором как раз и стирается связь с объектом. Напротив, речь идет о том, чтобы интерпретировать язык аутистов как «репрезентакты», согласно формулировке Ж.-Д. Винсена, как репрезентации в действиях, в теле, репрезентакты также представляют собой первичные формы символизации, укорененные в сенсорике и моторике.

Гааг показал, что особенно важно сочетать физическую опору на уровне спины с обменом взглядами, этот опыт создает первое ощущение оболочки; Буллингер указывает на этот аспект в своих работах, посвященных психологии развития; у ребенка-аутиста, который бьет себя по голове палкой, выстраивание заднего фона позволяет создать возможность использовать палку для того, чтобы трогать предметы. В общих чертах, эти сенсорные, ритмичные, дыхательные, «тактильные» настройки открывают пространство и позволяют переходить от ощущения тела/пространства, подобного ленте Мебиуса, к появлению первого чувства опоры и глубины.

Я уточню, что в процессе сенсорных медиаций, таких как живопись или лепка, начинают появляться другие элементы, не связанные с вертикальностью, например формирование первых ядер из твердого материала, первые организующие точки сборки или появление волнистости и складок, первый этап отклеивания от общей кожи. А сейчас вернемся к клиническому материалу.

На третьем этапе терапевт вводит театрализованную игру с варьированием интонации вокруг душевой лейки в руках ребенка. Ребенок чередует моменты поливания зеркала с попытками облить терапевта. Терапевт трансформирует то, что делает ребенок, в общую игру, «прикоснуться – не прикоснуться». Тогда ребенок впадает в ярость, нападает на терапевта, пытаясь его оцарапать, ущипнуть, окатить водой и окатить с силой водой зеркало. Терапевт не выходит из игры, а постепенно переводит игру в «ку-ку» с размытыми картинками на зеркале, которое поливает ребенок: «Ку-ку, ты меня стираешь, а я здесь, я вернулась».

Постепенно ребенок начинает ждать, когда отражение его самого и терапевта обретет форму в зеркале, перед тем как его снова размыть, и он радуется вместе терапевтом, когда отражение вновь становится четким. Он прекращает свои атаки на терапевта и периодически будет бросаться в объятия терапевта за пределами бассейна.

Винникотт прекрасно описал этот этап. «Эй, объект, я тебя разрушил. Я тебя люблю, – пишет он. – Я тебя люблю, потому что ты выжил, когда я атаковал тебя своей деструктивностью» (Winnicott, 2016). Иными словами, ребенок уже больше не ощущает себя всемогущим, появляется разница между субъективным миром репрезентации, фантазма и миром объективным, в котором объект выживает, появляется способность отличать объект фантазмов от объекта реальности. Момент, когда ребенок обнаруживает «другой объект», является также моментом, когда Я себя обнаруживает как субъекта. Таким образом рождается рефлексивность.

Цель терапевтической работы состоит в трансформации деструктивности в процессе разрушения объекта и его обнаружения, согласно теории Руссийона об объекте «разрушенном-найденном». Последний пункт: ответ терапевта позволил трансформировать атаки ребенка в процессе игры. Терапевт вложил в действие ребенка намерение играть, а не разрушать, это то, что остановило атаки ребенка. В выстраивании Я-субъекта существенную роль играет определение намерений, которые объект вкладывает в действия ребенка.

Мы видим, как появление самосознания связано со встречей с другим, открытие самого себя связано с открытием другого, субъект и «другой субъект» выстраиваются одновременно.

На следующем этапе терапии ребенок активно бросался в объятия терапевта, но, как только он поворачивается спиной к зеркалу, чтобы обнять терапевта, он поспешно возвращался к зеркалу, словно для того, чтобы начать искать потерявшееся отражение. Затем он пытался пойти к терапевту, пятясь назад, чтобы не потерять из виду их отражение в зеркале, что происходит, когда он отворачивается от зеркала. Затем, похоже, он понимает, что их отражение остается у него за спиной, даже если он его и не видит, и тогда он перестает его искать. Он теперь смог изучить отверстия в своем теле и дренажные отверстия в бассейне, и в этот период в девять лет он приучился к горшку.

И, наконец, тактильная оболочка стала постепенно отклеиваться от визуальной оболочки, процесс, который разворачивался в действиях, когда ребенок ходил туда-обратно между терапевтом и зеркалом, прикосновение к терапевту ассоциировалось у него с потерей своего изображения в зеркале, он отказался в итоге прикасаться к терапевту, он интериоризировал ее присутствие, а также тот факт, что их отражение не пропадает в зеркале, когда он поворачивается к нему спиной; пространство заднего плана выстроилось, и появился запрет на прикосновение.

Иными словами, первична работа символизации в присутствии другого, а не в его отсутствие – как мы знаем, символизацию зачастую определяют как «символизация отсутствия». В центре архаичного периода от 0 до 2 лет в меньшей степени находится сепарация, гораздо большее значение имеет встреча с объектом и соединение раздробленных «островков» Я в единое целое. На основании клинического примера мы увидели, как происходит совместное выстраивание сенсорно-двигательного языка между ребенком и терапевтом, которое является необходимым условием для субъективации телесного опыта.

Исследование этого сенсорно-двигательного опыта происходит посредством введения сенсорно-двигательных игр, обозначенных Герра (*Guerra*, 2014) как индикатор межличностных отношений, которые необходимы для процесса субъективации ребенка от 0 до 12 месяцев. Мы ведем в нашем исследовательском центре в Лионе международное исследование, основанное на терапевтических медиациях, действующих в работе типичные детские игры, которые не могли быть сыграны в раннем детстве. Например, игры для развития формального ассоциирования – это прежде всего игры сенсорно-двигательного исследования окружающего мира, игры, в которых соединяются ощущения из различных регистров, а также игры с сенсорно-двигательными формами, которые приводят к появлению первичных форм символизации. Затем идут сенсорные игры с зеркалом (тактильные, зрительные, звуковые), сенсорно-двигательные игры с двойником и, наконец, игры с фантазмами, с репрезентациями и со словами.

В заключение следует сказать, что мы отныне можем дать определение символизации как процессу трансформации опыта, в котором телесное и психическое неразделимо, в различные формы репрезентаций, в которых содержится индекс рефлексивности. Именно этот индекс рефлексивности, который обозначает процесс присваивания субъектом своего опыта, всегда включает в себя аспекты межличностных отношений. Сочетание различных процессов символизации, которые мы здесь рассмотрели, открывают доступ к рефлексивности, я постаралась представить здесь некоторые концепции, но они все не являются исчерпывающими. Основной момент в развитии современных теорий – это развитие исследований эмбриона, с современными концепциями развития можно ознакомиться в недавно вышедшей книге Сильвана Миссонье и Бернара Гольса «Эмбрион/новорожденный глазами психоанализа» (*Golse, Missonnier*, 2021).

И в заключение хотелось бы сказать несколько слов о творческом опыте. Многие современные художники обозначают свое творчество как попытку психического выживания. В таком случае можем ли мы сказать, что создание произведения искусства позволяет творцам попытаться создать конфигурацию своего психического опыта и символизировать архаичный опыт страдания, который не мог быть субъективно присвоен?

Некоторые творческие люди обращают внимание на сенсорно-двигательные основы их творческого процесса, в котором вначале соединяются ощущения, телесный опыт, импульсы движения, мир форм, который стремится родиться, а не быть ограниченным в образах: акт творения укореняется частично в сенсорных галлюцинациях.

Как и аналитическая работа, творческий процесс – это создание себя и присваивание опыта боли и страдания, как для творцов, так и для пациентов, процесс, в котором мы позволяем родиться наконец своему истинному Я, в творчестве или в терапии. Это парадокс: речь идет о том, чтобы сделать так, чтобы появилось то, чего еще не было, оживить еще не ожившие истоки (*Winnicott*, 1975).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Anzieu D.* (1990) *Psychic envelopes*. London: Karnac Books.
2. *Anzieu D.* (1995) *Le Moi-peau*. Paris: Dunod.
3. *Aulagnier P.* (2003) *La violence de l'interprétation*. Paris: PUF.
4. *Bleger J.* (1967) *Simbiosis y ambigüedad*. Estudio psicoanalítico. Bueno Aires: Paidós.
5. *Brun A., Roussillon R.* (2016) *Aux limites de la symbolisation*. Paris: Dunod.
6. *Decety J.* (2005) Une anatomie de l'empathie. *Psychiatr Sci Hum Neurosci* (Vol. 3), pp. 16–24. <https://doi.org/10.1007/BF03006827>
7. *Freud S.* (1985) *The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelmina Fliess (1887–1904)*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
8. *Freud S.* (2004) *Introduction à la psychanalyse*. Paris: Payot.
9. *Freud S.* (2011) *Constructions dans l'analyse*. Paris: PUF.
10. *Freud S.* (2011) *Esquisse d'une psychologie*. Paris: ERES.
11. *Freud S.* (2011) *Le moi et le ça*. Paris: PUF.
12. *Freud S.* (2012) *Pour introduire le narcissisme*. Paris: Payot.
13. *Freud S.* (2013) *Au-delà du principe de plaisir*. Paris: PUF.
14. *Freud S.* (2019) *Métapsychologie: 1915*. Paris: FLAMMARION.
15. *Gergely G.* (1992) *Developmental reconstructions: infancy from the point of view of psychoanalysis and developmental psychology*. *Psychoanalysis & Contemporary Thoughts* (Vol. 15), Madison: International Universities Press.
16. *Golse B.* (1992) *Le développement intellectuel et affectif de l'enfant*. Paris: Masson.
17. *Golse B., Missonnier S.* (2021) *Le fœtus/bébé au regard de la psychanalyse*. Paris: Presses Universitaire de France.
18. *Golse B., Roussillon R.* (2010) *La naissance de l'objet*. Paris: Presses Universitaire de France.
19. *Guerra V.* (2014) Ritmo, mirada, palabra y juego: hilos que danzan en el proceso de simbolización. *Revista uruguaya de Psicoanálisis (en línea)* (Vol. 119), pp. 74–97.
20. *Haag G.* (2005) *Reflections of Psychoterapists Trained As Psychoanalysts Dealing With Subjects with Autism*. *Revue Française de Psychosomatique* (Vol. 27), Paris: PUF.
21. *Leibniz W. W.* (1996) *New Essays on Human Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. *Milner M.* (1979) Le rôle de l'illusion dans la formation du symbole (1955). *Revue Française de Psychanalyse* (Vol. 5-6), Paris: PUF.
23. *Roussillon R.* (2015) Un processus sans sujet. *Le Carnet PSY 2015/4* (Vol. 189), pp. 31–35. Paris: Cairn International.
24. *Stern D. N.* (1985). *The Interpersonal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Developmental Psychology*. London: Routledge.
25. *Winnicott D. W.* (2016) *Introduction: Primitive Emotional Development*. Oxford: Oxford Academic Book
26. *Winnicott D. W.* (1975) *Jeu et réalité, l'espace potentiel*. Paris: Gallimard.

The emergence of the Self and the process of symbolization

Anne Brun
*(Translation from French and Scientific ed.:
O. V. Chekunkova)*

Anne Brun, psychoanalyst, clinical psychologist, professor of clinical psychology and psychopathology at the University of Lyon (Université Lyon 2), ex-director of the Center for Research in Psychopathology and Clinical Psychology CRPPC (2009–2019), author of numerous works on therapeutic mediation, disorders of the narcissistic and identification spectrum and the problems of archaic.

This article examines modern theoretical psychoanalytic concepts that allow us to take a fresh look at the treatment of "severe cases", including psychotic, autistic and narcissistic identification psychopathologies, which are based on the problems of the archaic; for the treatment of such patients, it is necessary to use new technical tools. In the case of treatment of severe narcissistic psychopathologies, the classical technique is modified, more attention is paid to sensory, affective and motor aspects, that is, to those early experiences that underlie the formation of symbolization processes, or, in case of failure, to the absence or deficit of symbolization. A new theoretical and clinical approach to psychoanalytic psychotherapy of patients with "severe conditions" includes not only a focus on sensory aspects, but also an expansion of the technique towards "therapeutic mediation"; in the case of working in a group, the psychoanalyst plays the role of a "flexible medium" in the transference.

Keywords: archaic period, infantile period, psychosis, autism, symbolization, subjectification, perceptual archaic traces, "narcissistic and identification sufferings".